

УДК 947:353(751.1)

КРЕСТЬЯНСКИЕ НАЧАЛЬНИКИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ (1898–1917 ГГ.)

Гермизеева В.В.

ФГБОУ ВПО «Омский государственный технический университет», Омск, Россия (644050, Омск, Пр. Мира, 11), e-mail:vika-germ@mail.ru

В статье на основе архивных материалов и периодической печати анализируется численность и качественный состав крестьянских начальников Западной Сибири. Они обладали обширными правами, от эффективности их деятельности зависело положение крестьян, составлявших большую часть населения Тобольской и Томской губерний. В статье приводятся данные о численности, образовательном уровне, опыте работы этих должностных лиц. Рассмотрены ходатайства местных губернаторов об увеличении численности крестьянских начальников. Обращено внимание на их частые перемещения внутри губерний. Показаны особенности организации делопроизводства крестьянских начальников, представлены результаты отдельных ревизий. Автор обращает внимание на противоречивую оценку этих должностных лиц, как среди современников, так и в исторической литературе.

Ключевые слова: управление, Западная Сибирь, крестьянский начальник, делопроизводство, съезды крестьянских начальников.

PEASANT CHIEFS WESTERN SIBERIA: QUANTITY AND COMPOSITION (1898-1917)

Germizeeva V.V.

Omsk Stat Technical University, Omsk, Russia (644050, Omsk, avenue Mira, 11), e-mail:vika-germ@mail.ru

On the basis of archival materials and periodicals analyzed the number and qualitative composition peasant chiefs of Western Siberia. They possess extensive rights of efficiency of their activity depended the position the peasants who made up a large part of the population of Tobolsk and Tomsk provinces. The article presents information on the number, educational level, experience these officials. Examined petition of local governors to increase the number of peasant chiefs. Attention is paid to their frequent displacement in provinces. Displaying paperwork peasant chiefs, the results audits. The author draws attention contradictory assessment of these officials among his contemporaries, and in historical literature.

Keywords: management, Western Siberia, the chief peasant, paperwork, peasant congresses superiors.

Деятельность крестьянских начальников сыграла важную роль в организации управления крестьянским населением Западной Сибири. В то же время эти должностные лица получили неоднозначную оценку, как среди современников, так и в исторической литературе. В данной статье на основе архивных материалов и периодической печати предпринята попытка анализа качественного состава крестьянских начальников, а также рассмотрены проекты, согласно которым предлагалось увеличить численность этих должностных лиц.

Должность крестьянского начальника была учреждена на основании «Временного положения о крестьянских начальниках» от 2 июня 1898 г. для заведывания общественным управлением и выполнения обязанностей по обустройству быта обывателей и переселенцев. В газете «Сибирская жизнь» вскоре после публикации документа писали: «Выполнить многочисленные обязанности крестьянского начальника дело очень трудное. Не говоря о безусловной добросовестности нужно много любви к труду и к народу, много знаний, много

энергии, много такта не только в обращении с народом, но и в отношениях с другими должностными лицами. Подыскать достаточный контингент лиц с такими качествами очень нелегко, тем более, что содержание крестьянского начальника не особенно завидное» [11]. Таким образом, уже при учреждении должности было понятно, что реализация «Временного положения о крестьянских начальниках» потребует пристального внимания центральных и местных властей.

Первоначально в Томской губернии было учреждено 29 крестьянских участков, а в Тобольской губернии – 36. При этом общей нормы для участка выработано не было, а число должностей крестьянских начальников определялось лишь приблизительно. Последнее обстоятельство и объясняло ситуацию, согласно которой в Томской губернии, превосходящей Тобольскую по своим размерам и по количеству населения почти в 1,5 раза, не было учреждено большего или, по крайней мере, одинакового числа должностей [1].

В то же время, власти западносибирских губерний еще в 1897 г. в процессе обсуждения проекта ходатайствовали об учреждении следующего числа крестьянских начальников: тобольский губернатор – 68, томский губернатор – 52 [2]. Таким образом, уже на момент реализации «Временного положения о крестьянских начальниках» их численность была значительно ниже тех цифр, которые предлагались местными губернаторами.

Впоследствии при обсуждении вопроса в Министерстве внутренних дел относительно увеличения численности этих должностных лиц неоднократно указывалось, что «недостаточность личного состава обнаружилась немедленно, вслед за самым учреждением поименованных должностей». Но «Министерство внутренних дел лишено было ... по финансовым соображениям, предпринять до времени коренные реформы в этом деле и старалось ... улучшить постановку крестьянского дела в Сибири мерами, не вызывавшими новых расходов для государственного казначейства». В частности, «в помощь крестьянским начальникам по мере усиления переселенческого движения ... привлекались чиновники Переселенческого управления [3].

При рассмотрении проекта об увеличении численности крестьянских начальников в 1913 г. обращалось внимание, что местные губернаторы ходатайствовали о доведении штата крестьянских начальников до следующих размеров: тобольский – 54, томский – 75. Находя предположения местных начальств по этому вопросу крайне умеренными в Министерстве внутренних дел все же признавали возможным пойти на некоторое сокращение цифр и учредить дополнительно 8 должностей в Тобольской губернии и 25 – в Томской. Кроме того, предлагалось увеличить число кандидатов к крестьянским начальникам, для «подготовки надлежащего контингента лиц» [4]. Но планируемые изменения так и не были реализованы.

Стоит отметить, что позицию местных и центральных властей об увеличении численности крестьянских начальников, не разделяло крестьянство и представители либеральной общественности, полагавшие, что этот институт следует упразднить. Так, в частности, в газете «Сибирская жизнь» еще в 1906 г. отмечалось: «в настоящее время, когда крестьянство становится вполне сознательным элементом общества, вся опека и всякое вмешательство во внутреннюю жизнь его должны быть уничтожены». А это может произойти только в том случае, если «инородное тело, созданное в сибирской деревне законом 1898 г. будет извлечено» и жизнь крестьянства «получит более нормальное и самостоятельное течение» [12].

Состав крестьянских начальников был достаточно пестрым и не всегда соответствовал необходимым критериям. Но в то же время нельзя утверждать, что большая часть должностных лиц имела низкий уровень образования. По имеющимся данным, на август 1909 г., относительно 34 крестьянских начальников Тобольской губернии, 50 % – имели высшее образование, 47,1 % – среднее и только 2,9 % – низшее [5]. Таким образом, в ряде случаев эти должностные лица все же имели достаточный образовательный уровень, чтобы справляться с возложенными на них обязанностями, но это обстоятельство не являлось определяющим, так как только наличие образования не могло быть гарантом успешной деятельности. Если обратить внимание на отдельные публикации, то становится очевидным факт, что порой на эти должности попадали люди случайные, далекие от нужд и проблем крестьянского населения. Так, в журнале «Сибирские вопросы» при характеристике состава давалась следующая картина: «Из кого вербуются крестьянские начальники? Здесь сплошь и рядом встречаются отставные офицеры, неудачные педагоги, врачи и т.п. Все эти лица совершенно не знакомые с жизнью крестьянина и попавшие в блюстители крестьянских интересов лишь потому, что пришли не ко двору в своем прежнем ведомстве. Отсюда, целый ряд злоупотреблений и постоянный антагонизм между сельским обществом и администрацией» [10, с. 21]. Негативную характеристику можно встретить и в других публикациях журнала, например, в статье В. Карпинского отмечается следующее: «Мы имеем перед собою очень пеструю коллекцию лиц с малым образованием и часто сомнительным родом занятий до поступления на службу». По мнению автора статьи, «целый ряд людей, взявших на себя ответственную миссию «отечески» опекать население, обнаруживает, не говоря уже о неподготовленности и не знании крестьянской жизни, еще и недобросовестное отношение к делу» [8, с. 15]. Здесь нельзя не согласиться с точной зрения, что по сравнению с земскими начальниками Европейской России, в Сибири состав крестьянских начальников был довольно пестрым, как по социальному, там и по образовательному признакам [9, с. 231]. В первую очередь, это было связано с отсутствием

достаточного количества подготовленных лиц, так как занятие многих должностей компетентными людьми даже в начале XX века продолжало оставаться серьезной проблемой для региона.

Используя списки должностных лиц, публиковавшиеся в памятных книжках Тобольской и Томской губерний, можно проследить изменения, происходившие в составе крестьянских начальников. Так, в результате анализа сведений по Томской губернии за 1904 и 1911 гг. видно, что за 7 лет состав этих должностных лиц изменился на 62 %. В частности, в Томском, Змеиногорском, Мариинском уездах поменялось по 2 крестьянских начальника, а в Барнаульском, Бийском, Кузнецком и Каинском уездах – по 3. При сопоставлении данных за 1911 и 1915 гг. можно сделать вывод о более серьезных изменениях в составе, они достигли 92,8 %. Так, из всех крестьянских начальников к 1915 г. на своих участках остались только Г.И. Немцов и В.А. Шигорин.

В Тобольской губернии имела место аналогичная ситуация, более того, при анализе сведений за 1907 и 1914 гг. видно, что ни один из крестьянских начальников не остался на своем участке и был перемещен или уволен со службы, то есть изменения достигли 100 %. Из общей численности крестьянских начальников по состоянию на 1914 г. только 5 человек продолжали занимать эту должность, но были переведены на другие участки (Ф.Н. Гловацкий, Д.А. Ресин, К.П. Нилов, С.Я. Деспот-Зинович, М.А. Рубцов).

Используя перемещения крестьянских начальников внутри уездов, администрация пыталась, прежде всего, бороться со служебными злоупотреблениями. Например, в Томской губернии В.Н. Эртов был перемещен со 2 участка Бийского уезда на 4 участок Барнаульского уезда, А.С. Хабаров со 2 участка Змеиногорского уезда перемещен на 1 участок Бийского уезда, Н.А. Тихобаев с 3 участка Каинского уезда переведен на 1 участок Мариинского уезда и т.п.

При введении института крестьянских начальников на него возлагались большие надежды, но, как отмечалось в газете «Сибирская жизнь», уже в самом начале своей деятельности они «ознаменовали свое служебное поприще рядом преступлений и правонарушений», «должности крестьянских начальников замещались лицами, или вовсе не понимающими жизни сибирского крестьянина, или нравственно испорченными людьми, выброшенными в Европейской России из колеи жизни, или прямо-таки больными людьми, нуждающимися в серьезном лечении» [13]. Наиболее распространенными злоупотреблениями были растрата казенных денег и превышение служебных полномочий.

«Крестьянский барин», «крестьянский опекун» – вот лишь немногие выражения, используемые для наименования этих должностных лиц среди населения. М.Н. Соболев в 1905 г. отмечал: «широкие полномочия, отсутствие контроля, общественного мнения и

гласности, недостаток надзора местных властей влекут за собой чрезвычайное развитие произвола крестьянских начальников. Они сплошь и рядом чувствуют себя местными царьками, опьяненными властью» [14, с. 93].

Таким образом, в печати по большей части присутствовали негативные характеристики крестьянских начальников, особо обращалось внимание на их некомпетентность и служебные преступления, а также в отдельных публикациях говорилось о необходимости упразднения института. В этой связи особый интерес представляют официальные сведения о деятельности этих должностных лиц.

В лице неперменных членов Губернских управлений должен был осуществляться контроль за деятельностью крестьянских начальников. Например, ревизии делопроизводства давали возможность высшей администрации представить общую картину за конкретный период, а также сделать выводы и дать рекомендации по поводу устранения обнаруженных недочетов. Тем не менее, в Тобольской губернии по состоянию на 1907, 1908 и 1913 гг. все недостатки оставались прежними и являлись типичными также для Томской губернии: медленное рассмотрение дел, неаккуратное ведение необходимых журналов, пренебрежение своими должностными обязанностями. В результате подобных проверок каждому крестьянскому начальнику давалась характеристика. Так, в отчете неперменного члена по крестьянским делам Тобольского губернского управления В.А. Закревского о произведенной им ревизии крестьянских учреждений Ишимского уезда в конце 1907 г. обращалось внимание на добросовестную работу крестьянского начальника 5-го участка Д.А. Ресина. В частности, все дела, записанные в настольный реестр в 1907 г., решены были оперативно, что свидетельствовало о серьезном отношении крестьянского начальника к своим обязанностям. Так, «если переписка не требовала проверки на месте, крестьянский начальник разрешал ее в этот же или на другой день; если же необходима проверка на месте, то окончательное разрешение дела происходило в течение не более одного, двух месяцев». В заключении В.А. Закревским был сделан вывод, что «порядок рассмотрения административных дел у крестьянского начальника Ресина следует признать образцовым» [6].

Большинство дел у крестьянского начальника 6-го участка М.Л. Катасонова разрешалось в течение одного или двух месяцев, незначительное количество в течение 2–4 месяцев и несколько дел в более продолжительный срок. В целом, В.А. Закревский характеризовал его, как «весьма распорядительного, энергичного и вообще хорошего крестьянского начальника, стремящегося более к действительной работе, чем к формальной канцелярской» [6].

Согласно отчету неперменного члена по крестьянским делам Тобольского губернского управления А.П. Нарышкина, проводившего ревизию крестьянских учреждений

Тюменского уезда в 1908 г., крестьянские начальники не всегда с должной ответственностью исполняли свои обязанности. Он отмечал, что у крестьянского начальника 2-го участка А.В. Иляхинского при решении административных дел наблюдалась медлительность, в значительной степени объясняемая тем, что дела заносились в настольный реестр не после получения прошения, а уже после производства расследования по нему. Крестьянский начальник 3-го участка И.А. Беляев, вступив в должность в июле 1908 г., оказался в трудном положении. Того, что подразумевается на канцелярском языке под словом «дело», ему сдано не было. Крестьянский начальник получил до 200 вступивших, но неисполненных бумаг и «беспорядочную кучу трепаных, нерешенных переписок» [7]. В подобной ситуации сложно было быстро войти в курс дела.

Коллежским советником А.А. Ольшевским, назначенным неперменным членом по крестьянским делам Тобольской губернии в мае 1911 г., при ревизии крестьянских учреждений Тарского уезда летом 1913 г., была составлена общая картина деятельности должностных лиц. Например, крестьянский начальник 1-го участка М.А. Рубцов, находящийся в должности с 1907 г., по мнению А.А. Ольшевского, достаточно серьезно подходил к возложенным на него обязанностям. По наиболее серьезным делам, а также по жалобам на должностных лиц, расследование проводилось крестьянским начальником лично. М.А. Рубцов, согласно мнению А.А. Ольшевского, находился «в курсе жизни населения своего участка, так как обо всех событиях, случаях эпидемий, эпизоотий, пожаров, градобития волостные правления, по его распоряжению, немедленно поставляли его в известность» [7].

В отчетах неперменных членов Губернских управлений встречались и негативные отзывы о деятельности должностных лиц, в них обращалось внимание на проблемы в организации делопроизводства, злоупотребление властью, невыполнение должностных обязанностей. Тобольский вице-губернатор Н.И. Гаврилов в своем отзыве о крестьянских начальниках отмечал: «с глубоким прискорбием должен сознаться, что некоторые крестьянские начальники Тобольской губернии приобрели грустную славу своими беззакониями и даже хищениями» [8, с. 14]. Но, несмотря на это, в официальных документах качественный состав крестьянских начальников Западной Сибири в основном признавался удовлетворительным. По мнению администрации, подавляющая их часть полностью справлялась со своими должностными обязанностями. Положительная оценка работы и состава крестьянских начальников со стороны местной власти на страницах периодических изданий объяснялась следующим образом: «Контролируют крестьянских начальников неперменные члены губернских правлений. Два члена на каждую губернию при сибирских расстояниях и бездорожьях бессильны, конечно, не только предотвратить, а даже и раскрыть

уже соделанные правонарушения. К тому же чего можно ждать от чиновничьего контроля, компетентного, главным образом, в области канцелярских волоки? И немудрено, что крестьянский начальник в своем районе чувствует себя выше всякого закона и права» [8, с. 16].

Правительство при решении проблемы пыталось идти по традиционному пути – увеличение численности чиновников и окладов содержания. В частности, при рассмотрении этого вопроса в Земском отделе МВД признавалось необходимым учредить в Томской и Тобольской губернии по одной дополнительной должности неперменного члена. В отдельных случаях губернаторы поручали уездным исправникам сбор информации об образе жизни крестьянских начальников, о взаимоотношении их с сельским населением.

В целом, несмотря на проекты, увеличения численности крестьянских начальников так и не произошло, местные власти вынуждены были использовать для помощи чиновников Переселенческого управления. Качественный состав должностных лиц был довольно пестрым, в результате, часть крестьянских начальников имела смутное представление о нуждах сельского населения. Обширность участков, плохие пути сообщения, недостаточное содержание, масса работы по самым сложным вопросам крестьянской жизни и управления затрудняли подбор лиц на эту должность. Тем не менее, институт крестьянских начальников просуществовал почти 20 лет и был упразднен только в июне 1917 г.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. 2 делопроизводство. 1913. Оп. 70. Д. 948. Л. 16.
2. ГАРФ. Ф. 102. 2 делопроизводство. 1913. Оп. 70. Д. 948. Л. 17.
3. ГАРФ. Ф. 102. 2 делопроизводство. 1913. Оп. 70. Д. 948. Л. 19.
4. ГАРФ. Ф. 102. 2 делопроизводство. 1913. Оп. 70. Д. 948. Л. 22,23, 28.
5. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее – ГУТО ГАТ). Ф. 152. Оп. 36. Д. 279. Л. 7, 8.
6. ГУТО ГАТ. Ф. 344. Оп. 1. Д. 2. Л. 253-270.
7. ГУТО ГАТ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 3. Л. 7-14; Ф. 479. Оп. 2. Д. 116. Л. 6-8.
8. Карпинский, В. Крестьянские начальники в Сибири / В. Карпинский // Сибирские вопросы. – 1909. – № 41. – С. 13-19.
9. Островский, И.В. Аграрная политика царизма в Сибири в период империализма / И.В. Островский. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. – 311 с.
10. Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. – 1909. – № 7. – С. 20-28.

11. Сибирская жизнь. Томск, 1898. – 27 авг.
12. Сибирская жизнь. – Томск, 1906. – 7 февр.
13. Сибирская жизнь. – Томск, 1905. – 10 дек.
14. Соболев М.Н. К вопросу о реформе крестьянского управления в Сибири / М.Н. Соболев // Сибирские вопросы. – 1905. – № 1. – С. 86–99.

Рецензенты:

Порхунов Г.А., д.и.н., профессор кафедры «Всеобщая история, социология, политология» ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск.

Полканов В.Д., д.и.н., профессор кафедры «Отечественная история» ФГБОУ ВПО «Омский государственный технический университет», г. Омск.